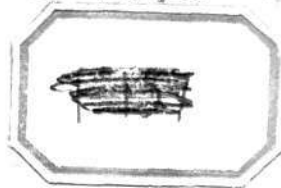

354373

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОБРУЧ

СЕРИЯ
ДЛЯ ГРОМКОЙ
ЧИТКИ

Б. ГАЛИН
**ЖЕЛЕЗНЫЙ
ОБРУЧ**

ГАЗЕТНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБКОМА ВКП(б)
САРАТОВ

1942

Товарищ!

Прочитай эту книжку вслух у себя на предприятии или в колхозе, госпитале, школе, домохозяйкам и передай дальше для громкой читки.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ОБРУЧ

Из окна госпиталя она видит кавказские горы. Положив на подоконник свои маленькие, изуродованные огнем и железом руки, она долго смотрит на вершины гор, от которых веет покоем и величавой красотой. Она смотрит на север. Там, за горами, простирается донская степь, и на Донце — ее родное село Орехово.

Надя ясно помнит: обруч был складной, железный. Офицер медленным движением откинул полу черной шинели и, зевая, вынул из кармана маленький железный круг. Он подбросил его на руке, и железки звякнули. Обруч раздвигался, как игрушка. Но это было орудие пытки.

Гитлеровцы вошли в Орехово, считая село своим. Но Надин отец, шахтер, думал другое. И Надя думала, как отец: эта земля была и будет советской. Отец не ушел за Дон. Он остался с оружием в руках защищать родную землю. Он создал партизанский отряд, неуло-

вимый, как ветер донских степей. И между ним и немцами шла борьба не на жизнь, а на смерть. Отряд отца кружил по степи, скрывался в балках, налетал, как буря, и, рассыпавшись на мелкие группы, исчезал бесследно.

Однажды глухой, темной ночью отец постучался. Он пришел домой: с удивлением он оглядывал стены хаты и белый, чуть потрескавшийся потолок, с нежностью он притянул к себе Зою, Раю и Надю. Он попросил почитать что-нибудь вслух. Открыв наугад книгу, Надя читала ему звонким голосом пушкинскую сказку о рыбаке и рыбке. Он слушал, закрыв глаза, наслаждаясь чистой русской речью.

Отец ушел, а на другой день немцы-каратели ворвались в село. Повидимому, они задались целью стереть с лица земля непокорное Орехово. Они обливали саманные стены и крытые очеретом дома горючей жидкостью и поджигали их. Горела хата Стародубова, потом занялась хата Фесенко. Они зажгли соседскую хату, где жила Надина подружка Люба. Зарево взметнулось и возле Надиной хаты. Мать, словно наседка, собрала детишек вокруг себя. По земляному полу скользили огненные блики. Кто-то ударил в дверь, затопали сапоги, и в полутемную хату ворвались немецкие солдаты. Их было двое.словно слепые, они протянули руки и выхватили Надю.

Закат пламенел густой, залякшейся кровью. Огонь пожирал седой очерет крыш. Низкое небо вдруг качнулось, надвинулось и упало к ногам Нади. Она увидела виселицу: между двумя высокими яворами, на перекладине висели отец и мать Любки. А сама Любка, словно замороженная, стояла на коленях и не сводила глаз с виселицы. Мертвый ее отец сжимал кулаки, а у матери ветер трепал золотые волосы. Офицер в черной шинели наблюдал за Надей. Его пухлые руки с квадратными чистыми ногтями потянулись к ее шейке. Надя отшатнулась. Он потрепал ее по щеке и сказал:

— О, колоссаль—девочка!..

И засмеялся коротким смехом, словно железо заскрежетало в его горле. Руки он упер в бока и вкрадчиво заговорил:

— Колоссаль—девочка подумает и скажет, где партизаны.

Надя стояла, боясь шелохнуться, боясь взглянуть в том направлении, куда ушел ее отец. Ее побледневшие губы шептали: «Таточку... таточку...». Но потом она спохватилась—офицер услышит—и замолчала. Офицер раздвинул железки и примерил обруч. Надя не догадалась, зачем он это делает и что будет дальше. Холодное прикосновение железа даже успокоило ее. Железное кольцо обхватывало ее волосы, уши, щеки, подбородок.

Немец засмеялся и что-то сказал своим

солдатам, которые возились у костра. Он отступил на шаг и стоял, раздвинув ноги, обутые в щеголеватые сапоги с прямыми, высокими голенищами. Положив руки на черные бедра и любуясь девочкой с железным кольцом, он сказал отрывистым голосом, выделяя каждое слово:

— Ты скажешь: где папа. Ты скажешь: сколько у него партизан. Ты скажешь: где они скрываются—в лесу или в селе. Говори!

Отец когда-то говорил Наде: «Доя! Самая злая собака бьется, когда человек глядит на нее в упор». И Надя посмотрела на офицера в черной шинели прямо в упор. Он был выше ее, он возвышался над ней черной горой. Она медленно покачала головой.

— Ничего не знаю...

Ее тоненький, дрожащий голос вывел офицера из себя. Один из солдат, толстый, в фуфайке, сорвал с нее обруч и бросил его в костер. Надя молчала. Ее сердце окаменело. Солдаты возились у костра. Офицер что-то крикнул, и толстый солдат в фуфайке, сопя, подошел, держа щипцами горячий железный обруч. Офицер взял щипцы. Надя стояла перед ним в полинявшем коротком пальтишке нараспашку, — худенькая двенадцатилетняя русская девочка с косичками. Он обхватил железным раскаленным обручем ее голову. Она закричала в ужасе. Офицер наклонился, чтобы лучше расслышать ее. Она увидела его

глаза, в которых горел отсвет пожаров, и что-то ударило в ее душу. Задыхаясь, она громким шепотом упрямо повторяла одно слово: «Ничего!». И медленно качала головой, охваченной раскаленным железным обручем.

Она задрожала от тоски и боли, когда услышала позади себя приглушенные крики матери. Зойка стонала. И Рая. Она даже на миг забыла о железном кольце, которое иглами впилося в ее шею, уши, щеки, голову. Будто тысячи шмелей звенели в ее голове. Она устояла в первые, самые страшные мгновения пытки, и теперь уже ничто не страшило ее. Она думала об отце. Горе выпрямило ее. Все то, что шло от матери-казачки, от отца-шахтера, от старого-старого явора, листья которого шумели в сумерках, от родной широкой степи с холмами, от неба, которое раскинулось над нею, от быстрого Донца с его извилистыми берегами, — все вдруг поднялось в ее маленькой гордой душе. Она так плотно сжала губы, что они побелели.

Офицер, не спуская с нее глаз, протянул назад руку. Солдат в фуфайке вложил ему в руку железный прут, один конец которого был накален докрасна. Офицер велел Наде вытянуть руки. Она вытянула. Тогда он с силой ударил по пальцам правой руки, выпачканным чернилами. После каждого удара он подымал голову и требовал: говори! И снова бил, палец за пальцем, пока не изуродовал

всю руку. Тогда он принялся уродовать пальцы левой руки.

Инстинктивным движением Надя рванулась в сторону и, вырвавшись, побежала прочь от костра, от виселицы, от солдат, от черного офицера. Она бежала вдоль хат, прижимая к груди изуродованные руки. Бежала в железном обруче, ничего не видя и ничего не слыша. В нее стреляли. Что-то ожгло ей ногу. Она споткнулась и, теряя сознание, упала в холодную пыль деревенской дороги.

Выстрелы и крики не могли пробудить ее. Кто-то наклонился над ней и поднял ее на руки. Голосом, страшно знакомым, кто-то шептал: «Доня...». Партизаны сняли с нее обруч. На конях ее увезли в лес, а оттуда — через линию фронта. И там, где проносили Надю, изуродованную, тяжело раненую, всюду она оставляла глубокий след: гроздь гнева и ненависти зрели в душах бойцов.

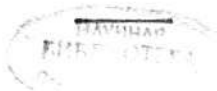
В Грузию Надю доставили в санитарном поезде. Бойцы, легко и тяжело раненые, приняли участие в девочке, история которой глубоко взволновала их. В вагоне лежали ее земляки — казаки с Дона. Тихими голосами казаки пели песни, — они должны были напомнить Наде ковыльную степь, дым над хатой, голубизну родного неба и сивый очерет... Она металась на койке в забытьи, глядя широко раскрытыми глазами, и упрямо твердила: «Ничего не скажу. Ничего». Казаки,

4280

гордые ее стойкостью, переговаривались шепотом: «Наших кровей дочка».

Надя чудом выжила. Я читал историю ее болезни. Там сказано: «Пальцы в состоянии флексии, сведены. На лице и шее имеется обрамляющий обширный рубец». Это—физические страдания. А муки сердца войдут в историю нашей борьбы с гитлеровцами, которые с тупой жестокостью палачей мучают, истребляют нашу гордость, надежду и будущее—наше юное поколение.

Глубокий рубец остался в душе русской девочки — гордой, честной, смелой. Ее лицо обезображено немецким железным обручем, но в глазах горит чистый, как слеза, пламень ненависти. Ее глаза взывают к мести.

354373.

На обложке нарисована Надя в госпитале — с фотографии, помещенной в „Красной Звезде“ 3 октября 1942 года.

Ответств. за выпуск *Н. Богданова*
Корректор *Н. Пржевальская*

НГ24781 Подписано к печ. 26-XI 1942 г. Печ лист. 1/4.
Заказ № 4411 Тираж 100000. Цена 5 коп. Типография
газетно-книжного издательства Обкома ВКП(б)